

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Том 26, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, г. Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, г. Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук, (Москва, Россия)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н., (Улан-Удэ, Россия)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, г. Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Оренбург, Россия)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Челябинск, Россия).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,

Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Vol. 26, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2021

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bon)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiyyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Moscow, Russia)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Ulan-Ude, Russia)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadlov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Kemerovo, Russia)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Orenburg, Russia)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Chelyabinsk, Russia)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.*

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department
of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2021 Том 26, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.* Комплекс Аксай-1
(к проблеме изучения древних антропоморфных изваяний и оленных камней
Центрального Казахстана)7
- Голвченко Н. Н.* «No connection»: расстёгнутый пояс в погребальной
обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа24
- Федорук О. А.* Детские погребения с украшениями в андроновских
(федоровских) некрополях степного и лесостепного Алтая36
- Пигарев Е. М.* Русские вещи из золотоордынской столицы — города
Сарай ал-Джедид (к вопросу о расселении русских в золотоордынских
нижневолжских городах)49

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Авдашкин А. А., Салганова Е. И.* Евразийская миграционная система:
региональные ракурсы функционирования (на примере Южного Урала)67
- Ярков А. П.* Средняя Азия и Западная Сибирь во второй половине XVI в.:
политические и этнокультурные связи82
- Мухамадеев А. Р.* О преступлениях и наказаниях в кыпчакском сообществе
(XI–XIV вв.)92
- Атдаев С. Дж.* Круговые обходы в обрядовой практике туркмен107

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Арсенина О. В.* Теологическое и эмпирическое осмысление ценностного
(религиозного) потенциала прихожан православных храмов города Владимира
в контексте актуализации социального благотворительного служения 128
- Мухтарова Г. Р., Железняков Б. А.* Буддизм Илийской долины
XII — начала XIII в.: о находках предметов буддийского культа на городище
Талгар И. И. Копыловым145
- Ильин В. Н.* Старообрядчество на Алтае во второй половине XIX —
начале XX в. 161
- Недзельюк Т. Г.* «Письма во власть»: рефлексия мигрантов Западной
и Восточной Сибири относительно государственно-конфессиональной
политики (вторая половина XIX — первая четверть XX в.)174
- ДЛЯ АВТОРОВ**184

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2021 Vol. 26, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D.* The Aksai-1 complex (to the studying of ancient anthropomorphic statues and deer stones of Central Kazakhstan).....7
- Golovchenko N. N.* “No connection”: unbuttoned belt in the funeral rites of the population of the upper ob region of the early iron age24
- Fedoruk O. A.* Children’s burials with jewelry in the andronovsky (fedorovsky) necropolises of the steppe and forest-steppe Altay.....36
- Pigarev E. M.* Russian things from the golden horde capital-the city of Saray al-Jedid (on the question of the settlement of russians in the golden horde lower volga cities).....49

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Avdashkin A. A., Salganova E. I.* Eurasian migration system: regional areas of functioning (on the example of the South Urals)67
- Yarkov A. P.* Central Asia and Western Siberia in the second half of the XVI century (political and ethnocultural relations)82
- Mukhamadeev A. R.* On crimes and punishments in the kypchak community (XI–XIV centuries).....92
- Atdaev S. J.* Circulars in the ritual practice of Turkmen107

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Arsenina O. V.* Theological and empirical understanding of the value (religious) potential of parishioners of orthodox churches in the city of Vladimir in the context of actualization of social charity service..... 128
- Mukhtarova G. R., Zheleznyakov B. A.* Buddhism of Ily valley of the XII — beginning of the XIII centuries. Finds of I. I. Kopylov objects of buddhist rite from the talgar site145
- Ilyin V. N.* Old Believers in Altai in the second half of the 19th — early 20th centuries 161
- Nedzelyuk T. G.* “Letters to the authorities”: reflection of migrants of Western and Eastern Siberia on state and confessional policy (second half of the XIX — first quarter of the XX centuries)174

FOR AUTHORS.....184

УДК 94 (47)

DOI: 10.14258/nreur(2021)3–06

А. П. Ярков

Тюменский государственный университет, Тюмень (Россия)

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

XVI в. стал «точкой бифуркации» как в истории Западной Сибири, так и во взаимоотношениях со Средней Азией. Определённый этнолингвистическим родством с тюркским населением Сибири в XVI в. «тлеет интерес» к Средней Азии. Но не хватало (в том числе военных и миссионерских) сил для продвижения на север. Экономические аспекты (включая расширение рынка товаров) взаимовыгодных контактов «упирались» не только в сложность коммуникаций, но также разность ментальных установок и социально-культурных особенностей. Религиозная общность населения двух мегарегионов ощущалась слабо. Единство на почве веры отступало в ряде случаев на второй план под давлением обстоятельств. Ислам не стал господствующей (государственной) религией в Сибири. Во второй половине XVI в. численность местных мусульман оставалась скромной на фоне большего числа сторонников архаичных верований. Духовные практики мусульман Сибири отличались от устоявшихся традиций единоверцев Средней Азии.

Русское государство не нарушало «равновесия» между восточным и западным векторами, пока у него не появились территориальные приобретения на Волге, а затем и в Азии. За каждым «игроком» стояли геополитические интересы, сформированные доминирующими идеями, при этом не только религиозными.

Ключевые слова. Западная Сибирь и Средняя Азия, XVI в. — «точка бифуркации», этносы и религия, экономика и политика.

Цитирование статьи:

Ярков А. П. Средняя Азия и Западная Сибирь во второй половине XVI в.: политические и этнокультурные связи // Народы и религии Евразии. 2021. № 3 (26). С. 82–91. DOI: 10.14258/nreur(2021)3–06

A. P. Yarkov

Tyumen State University, Tyumen (Russia).

CENTRAL ASIA AND WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XVI CENTURY (POLITICAL AND ETHNOCULTURAL RELATIONS)

XVI century became a “point of bifurcation, both in the history of Western Siberia and in relations with Central Asia.

Defined by ethnolinguistic kinship with the Turkic population of Siberia, in the XVIth century. Interest was smoldering in Central Asia. But there was not enough (including military and missionary) forces to move north. Economic aspects (including the expansion of the market of goods) mutually beneficial contacts “rested” not only in the complexity of communications, but also in the difference of mental attitudes and socio-cultural features. The religious community of the population of the two megaregions was poorly felt. Unity on the basis of faith has retreated, in some cases, to the background under the pressure of circumstances. Islam did not become the dominant (state) religion in Siberia. In the second half of the 16th century, the number of local Muslims remained modest amid a larger number of supporters of archaic beliefs. The spiritual practices of the Muslims of Siberia differed from the established traditions of the fellow believers of Central Asia.

The Russian state did not disturb the “balance” between the eastern and western vectors until it acquired territorial acquisitions on the Volga and then in Asia.

Behind each “player” were geopolitical interests shaped by dominant ideas, and not only religious ones.

Key words: Western Siberia and Central Asia, XVI century — “point of bifurcation”, ethnic groups and religion, economics and politics.

For citation:

Yarkov A. P. Central Asia and Western Siberia in the second half of the XVI century: political and ethnocultural relations. *Nations and religions of Eurasia*. 2021. № 3 (26). P. 82–91.

DOI: 10.14258/nreur(2021)3–06

Ярков Александр Павлович, доктор исторических наук, ведущий эксперт Экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета, Тюмень (Россия). Адрес для контактов: ayarkov@rambler.ru

Yarkov Alexandr, leading researcher of the Expert Scientific Center for Combating the Ideology of Extremism and Terrorism of the Tyumen State University, Doctor of Historical Sciences, Tyumen (Russia). Contact address: ayarkov@rambler.ru

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью в совокупности оценить политические, экономические, социальные связи двух отстоящих далеко друг от друга регионов. Экономика и политика — это сферы (формы) культуры, которые необходимо в этом контексте исследовать. Одновременно нужно освободиться от присутствовавшей, в том числе в работах современников, схемы, говорившей «о низком уровне хозяйственного и культурного уровня, чаще принимая заимствования у более развитого народа» [Чагин, 1995: 290]. Утверждаем: каждая культура самоценна, и термины «лестница развития» или «шкала заимствований» здесь недопустимы.

Опровергаем статью и мнение, что «урбанизация Сибири ... начинается с нуля», исходящее из положения, что до прихода русских Сибирь не знала таких форм поселений, как города [Жерносенко, 2004: 29]. Городки — не города! Различие городов и городков в книге «Тюменское и Сибирское ханства» обозначено исходя из их упоминания с приставкой «кала» или «тура». Но это не структурное определение, а лишь лингвистические «штудии», вводящее в заблуждение. Рисунки с надписями С. У. Ремезова также не являются аргументом [Тюменское, 2018: 185–202], а упоминания в источниках — не доказательство их соответствия функции.

Утверждаем: зарубежная теория урбанизма, как и марксистско-ленинская концепция, полагала отделение ремесла и торговли от сельского хозяйства базисом городов, отличающихся стабильностью, высокой численностью и плотностью населения, живущего по иным нормам и признающим права личности и собственности. Эти объективные для Европы причины нельзя механически переносить на средневековую Сибирь. Здесь отсутствовало жёсткое деление на горожан и селян: «туралы/туралинцы» занимались сельским хозяйством (в том числе отгонным скотоводством). Торговля была слаба. Купечество (а это элита, способная к самоорганизации и инновациям) немногочисленно. Потребности в изделиях во-многом удовлетворялись домашними промыслами, а нехватки земельных площадей вообще не существовало.

К истокам сходства и различий

Конечно, возникавшие системы хозяйствования обеспечили базовые потребности многих. Это способствовало формированию социума, который сам решал свои задачи.

Природа и генезис сибирских поселений (городков и «караванных городов») весьма отличается от западноевропейских, восточнославянских, поволжских и среднеазиатских. Там в основе лежали задачи подчинения пространства, политические и охранительные, решавшие (и обеспечивающие) вопросы торгово-ремесленных связей.

В Сибири подобные центры возникли в такой социальной и демографической ситуации, когда прежняя (простая) организация общества стала сложной. Дальнейшая жизнедеятельность без каких-либо координирующих центров стала невозможной [Соболев, 2008: 49]. Эти обстоятельства отражены в мифопредставлениях сибиряков о *первородной почве* и точно соотносятся с синергетической моделью понимания исторических процессов.

Контакты населения двух мегарегионов имеют длительную традицию. В силу различных обстоятельств она не всегда была мирной и компромиссной. Сибирь облада-

ла огромными ресурсами. Но из-за политической и экономической слабости, отсутствия выходов к морю её правители не играли активной роли в евразийской политике.

В обозначенное время внимание в Средней Азии к Северной Азии покоилось на жажде быстрого изъятия (освоения) её ресурсов и к установлению политического доминирования. И это происходило без серьёзной «интервенции» — вложения средств и технологий. И даже это было невозможно без подключения людских сил, в том числе для религиозного освящения деятельности инициаторов (правителей) и «реализаторов».

Безусловно, основными «игроками» в региональных и континентальных процессах была элита. Но и массы (население Средней Азии и Западной Сибири) имели давние связи и желали их укрепления. Тому способствовала не только этноязыковая близость (в рамках тюркского мира), но и специфика экономики, потребность как в привозных товарах [Зияев, 1984], так и культурных контактах.

Отвечая на эту потребность, взаимодействие активной части населения Сибири и Средней Азии усилилось. Особенно при правлении Абда(у)ллы султана¹ из династии Шибанидов, родственно связанного с правителями Сибири XV в. и прежде всего с Абу-л-Хайром².

В крае отсутствовали многие условия, определявшие развитие институтов общественного устройства, характерных для Европы или Ближнего Востока, Поволжья и Центральной Азии. Одним из признаков сложившихся там отношений считалось государство, которое «... как общественный союз, предполагавший оседлый образ жизни и устойчивые отношения к земле, а, следовательно, сложные экономические и общественные отношения, является результатом продолжительного исторического процесса, насчитывающего века» [Алексеев, 1910: 43]. Но применительно к кочевому и полукочевому сибирскому сообществу это лишь идея / идеальный образ.

Лишь тюменско-туринские татары (туралы) отчасти занимались земледелием. Оседлое население немногочисленно в Искере, Цынги (Чимги) — Туре и в удельных ставках. «Островок» городской культуры в Сибири оказался слишком «мал», чтобы туда «пересаживать» оседло-земледельческую цивилизацию.

Сибирские соправители Йадигер и Бекбулат пытались вести независимую политику, но их власть не имела прочной социальной опоры, стабильной и тем более прогрессирующей экономики. Направленные в Сибирь чиновники, служители исламского культа, купцы и ремесленники видели множество «пребывающих в язычестве» и немногочисленность мусульман (и лишь в городах).

Это вызывало их желание (как правоверных) распространить веру и образцы исламской цивилизации. И если с интерференцией культурных достижений всё обстояло относительно стабильно (по нарастающей — от расширения контактов), то и на закате

¹ Полное имя — Абдаллах бен Искандер бен Джанибек бен Ходжи Мухаммед бен Абулхаир (1534, Афаринкент — 1598, Бухара). Являлся покровителем просвещения и меценатом, окружил себя учёными и летописцами. Писал стихи под псевдонимом «Аваз Гази».

² Согласно произведениям «шибанидского круга» (включая «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», 1540-х гг.) Абу-л-Хайр: «В возрасте 17 лет, в 833 года Хиджры, соответствующим... году обезьяны ... утвердился на троне владетеля государства» и «обратил поводья завоевателя вселенной в сторону (города) Тара (или Тура)», который, по словам Кухистани, стал «местопребыванием трона государя», т.е. его столицей.

своего правления (1555–1563 гг.) сибирские князья не решались усилить религиозный аспект. Они не могли помочь миссионерам военными средствами, опасаясь уменьшения числа ясачных подданных. К тому же Йадигер и Бекбулат уже пообещали платить Москве ясак [ПСРЛ, 1904: 248].

Иван IV, заметим, не ставил задачи обратить в христианство сибиряков, изъявивших желание «встать под руку», опасаясь религиозных войн. Причина: в его «объятиях» с 1552 г. уже оказалось бывшее Казанское ханство, а Русь таким образом превратилось полиэтноконфессиональную Россию, где «разбалансировка» грозила многими бедами.

Примечательно также, что первое сибирское посольство совпало по времени и задачам с ногайским, правителем которых являлся бий Исмаил, сторонник Москвы и родственник Йадигера [Трепавлов, 1997: 182–184]. Политические и экономические интересы тогдашних правителей сибиряков и ногайцев, реализуемые (как им представлялось) при московском покровительстве, казались важнее, чем прежняя ориентация на Бухару.

Не всю элиту устраивал такой «расклад». В Западной Сибири уже сложилась контактная группа, обозначаемая как сибирские бухарцы. Основу этой влиятельной в социально-экономическом и культурном отношении группы составляли приезжие из Бухары, Самарканда, Ургенча, Сайрама, Туркестана и других регионов. Как замечено, отголоски присутствия бухарского компонента отмечено в лексике и тугумных наименованиях по всему мегарегиону [Элерт, 2006: 359], но в Западной Сибири это существеннее.

О месте бухарцев в кросскультурных процессах

Бухарцы принадлежали к одной этнической и лингвистической основе с формируемыми в одну этническую общность сибирскими татарами, а также с обитающими здесь башкирскими и казахскими племенами¹, но отличались антропологически, ментально. Ислам при этом был важным объединяющим началом элит (затем и масс), а региональные особенности (например, в религиозных практиках) являлись вторичными.

Отметим, что исламская (как христианская, буддийская и прочие) культура всегда «объёмнее» религии, определяя нравственные нормы, социальные установки и т. д. Так, в Азии сформировался психологический тип купца, который подчинялся определённым нормам (обязан, как все мусульмане, проповедовать) и правилам поведения в инокультурной среде. Поощряемая мусульманской идеологией (в тот период) предприимчивость давала определённые «плоды». Среди приезжих бухарцев оказалось немало не только богословов, но и ремесленников — ткачей, кожевников, медников, ювелиров [Ярков, 2019: 154–157]. И со временем их традиции вплелись в культуру коренных сибиряков [Творчество, 1999: 105], обогащая прежние и рождая новые образы.

Немного имелось в Сибири городов и городков². Один из показателей городского типа (если исходить из европейского понимания) поселений — наличие развитых ремёсел. Однако маловероятно, чтобы люди, помимо Рудного Алтая, занимались исклю-

¹ Наименование «казак» появилось в 1460-х гг. Этноним «казак» без этнического значения был приписан племенам, известным как «кочевые узбеки».

² Шатровые городки перемещались в пространстве, тогда как города стационарны. Да и в 1586 г. в документах местной власти отмечалось различие: «все городки на обские на девяносто и на четыре города».

чительно ими. Рынок слишком мал, а спрос на утварь удовлетворялся собственными силами и приезжими купцами: даже на Ямал попадали изделия из Западной Европы, Поволжья, Ближнего Востока и Средней Азии [История, 2010: 183].

Импортируемая продукция включала в себя (на порядок более технологично изготовленные) серебряные и бронзовые чаши, бутылки, подносы и накладки, височные кольца, перстни, серебряные бляхи, двусторчатые браслеты и т. д. [Буало, 2011: 145–150]. Нанесённые на них надписи на арабском и фарси большинство сибиряков не могли прочесть, но дали «побеги» в виде подражательных орнаментов. Об этом свидетельствует обнаруженная на Ямале металлическая пластина. Подобные предметы иногда играли ритуальную функцию, как приклады, на «святых» местах «язычников». Важнее, что осваивалась технология изготовления.

Ситуация в Западной Сибири оказалась связана с политической обстановкой в Бухаре. Там, действуя от имени отца и став командующим войсками, Абдулла одолел других претендентов на престол, значительно расширив пределы ханства. Военно-политическая и экономическая деятельность обеспечили правителю в 1570–1580-х гг. огромное влияние. Он подчинил Бадахшан и Куляб, а в дальнейшем завоевал большую часть Хорасана до Мешхеда включительно, Герат и юго-западную часть современной Туркмении. Более того, в 1576 г. Абдулла овладел Ташкентом и Самаркандом.

В зависимости от Абдуллы некоторое время находились и некоторые казахские племена. В 1581 г., после смерти отца, Абдулла занял трон (отныне именуясь Абдаллах хан II), в борьбе за власть опираясь на военную силу, духовную и торговую элиту.

Преодолев политическую раздробленность во среднеазиатских владениях Шибанидов, Абдаллах хан создал относительно благоприятные возможности для внутренней торговли, культурной и хозяйственной жизни подчинённых ему людей: в Бухаре наличествовало 50 видов специализаций: литейщики, кузнецы, красильщики, ткачи, портные и др. [Дженкинсон, 1937: 182]. В период правления Абдуллы султана (Абдаллах хана) в Бухаре возведён ансамбль «Кош-Медресе», чьи улемы и шакирды стали разъезжать по всему пространству Азии, попадая и в Сибирь, распространяя новые для региона идеи, образы.

В 1584 г. Абдаллах хан завоевал Бадахшан (где до того правили Тимуриды), затем овладел Мервом, Гератом и Мешхедом. В 1593–1594 гг. он покорил и Хорезм. Позднее Абдаллах хан (уже как единоличный правитель Бухарского ханства) направлял послов к Ивану IV. Отношения затем ухудшились, в том числе из-за Сибири, где сталкивались политические и экономические интересы Бухары, Искера, Москвы. Дело в том, что Абдаллах хан помог взойти на сибирский престол Ахмет-Гирею и Кучуму — Шибанидам, так как прежние правители Йадигер и Бекбулат (Тайбугиды, не принадлежащие к потомкам Чингизхана, именоваться могли только князьями) были убиты. Инициатива же приглашения исходила от местных «знатных татар» [Бартольд, 1964: 487–488].

Ахмет-Гирей и Кучум первоначально получали от Абдаллах хана и ногайских правителей поддержку, в том числе военными, администраторами, служителями ислама, властно и идеологически обеспечивая их легитимность, освящая активизировавшиеся экономические связи, поддерживая кросскультурные явления.

Разгром поволжских ханств предоставил Москве возможность интеграции новых земель, куда и пошла первая волна переселенцев. В изобретении «русского фронта» большую роль сыграли Строгановы [Атласи, 1912: 46]. Как замечено, «...к концу 1570-х гг. между Русским государством и Сибирским ханством фактически формируется буферное квазигосударство, которое с общерусским политическим пространством объединяет только один, но весомый фактор — личная преданность Строгановых царю...» [Чернышов, 2017: 103]. Вотчина Строгановых, как и сформированная там дружина Ермака, были полиэтноконфессиональны по составу.

Является ли конфликт частью диалога культур?

Политические события сместили акценты в диалоге представителей двух мегарегионов. После Подчевашской битвы с дружиной Ермака Кучум вместе с придворными покинул Искер. Хан кочевал по лесостепи, а затем обратился за помощью к Абдаллах хану. Бухарский правитель, не желал вступать в войну с Москвой, но попытался убедить бывшего правителя Искера сплотиться с правителями других постзолотоордынских государств, чтобы вести борьбу против кафиров. Кучум не внял советам, и его судьба предрешена: правителем Искера должен был стать Тайбугид Сейдяк. Тот отправился с войском, полученным от Абдаллах хана в Сибирь, где вступил в борьбу не с русскими, а с сыном Кучума-Али — за престол.

Связи с Азией ослабли, так как военные действия блокировали любые контакты по караванным тропам. Таким образом контакты ослабли, но заранее установленный «заряд»: технологии, образы, оставшиеся творцы, продолжали развивать культуру.

После смерти в 1598 г. Абдаллах хана, а затем и его сына, династия Шибанидов прекратила править в Бухаре. Престолом завладели Аштарханиды (1599–1753) — потомки правителей Астрахани, захваченной ранее войсками Ивана Грозного. Стали возникать междоусобные конфликты, а политический интерес азиатской элиты к Сибири ослаб. Оставалось религиозное единство, но предписанное Кораном вновь отступило перед жадной личной власти и богатства правителей и претендентов — участников событий второй половины XVI в. на азиатском пространстве. Массы оказались в «стороне», их интересы не отражали, а потребность в культурных контактах ограничились.

Между тем на политическое «поле» Сибири вступил другой «игрок» — московские власти. После присоединения Казанского, Астраханского, Сибирского ханств Русское государство стало Российским, увеличив свою территорию почти в два раза. Открывшееся политическое пространство для торговли и предпринимательства создало условия для русских и иноземных купцов, которые внедряли уже иные ценности и технологии.

Пытаясь оживить прежний диалог, в 1596 г. Борис Годунов издал Указ о привлечении в Сибирь уроженцев Средней Азии для торговли с южными и восточными соседями. Он предписал сибирским воеводам обращаться с бухарцами хорошо, но обязывал следить, чтобы те не продавали оружие. Бухарцы властями рассматривались как иностранцы, добровольно принявшие российское подданство. Им предоставлялась свобода в передвижении и льготы: освобождение от пошлин, воинской службы и т. д. Появились Бухарские слободы в Тюмени, Таре, Кузнецке, разнообразия культурный ланд-

шафт мечетями и минаретами. Для их строительства привлекались бухарцы и приезжие с Поволжья татары. Так, в рамках уже общероссийского культурного пространства рождались новые формы и «пограничные» образы.

Заметим, что вплоть до 1660-х гг. в документах при разделении населения на две группы: «служилые и юртовские татары и ясачные люди» и «русские люди», к последним причисляли и бухарцев. Сведения о «бухарцах казанского происхождения» говорят о меркантильных причинах перемены этнического наименования и сословной принадлежности — для облегчения в реализации своих торгово-экономических интересов и духовных запросов. Таким образом формировалась новая модель отношений.

Заключение

Обобщая, можно сказать, что XVI в. характеризуются пространственными экономическими, этногенетическими и культурными коммуникациями населения как внутри региона, так и с сопредельными и более отдалёнными территориями. Новые материалы и технологии, подражательные образы давали новый импульс для творчества сибиряков и жителей Средней Азии. Это позволяет рассматривать историю и экономику этих страт обществ в контексте общетюркской истории культуры, учитывая бесспорное региональное своеобразие. Можно согласиться, что этот параметр изучен крайне недостаточно» [Исхаков, 2009: 17], и представленная публикация — попытка дать новый импульс исследованиям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев А. С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль : Тип. Губерн. Правления, 1910. 121 с.

Бартольд В. В. Абдулла бен Искандер // Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М. : Наука, 1964. С. 487–488.

Бауло А. В. Средневековые изделия из серебра на севере Западной Сибири: новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 145–150.

Дженкинсон Э. Путешествие в Среднюю Азию. 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю. В. Готье. Л. : Огиз, 1937. 306 с.

Древние культуры и коренные народы // История Ямала. Т. 1, кн. 1. Екатеринбург : Баско, 2010. 210 с.

Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент : ФАН, 1983. 163 с.

Жерносенко И. А. Тюркское средневековье // Лекции по истории культуры Алтая. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2004. С. 28–34.

Исхаков Д. М. К вопросу о концепции национальной истории татар // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань : Институт истории имени Ш. Марджани, 2009. С. 12–19.

Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 13. Первая половина / под ред. С. Ф. Платонова, при участии С. А. Адрианова. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1904. 302 с.

Соболев В. И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск : Наука, 2008. 360 с.

Творчество народов Тюменской области: из собрания Тюменского областного краеведческого музея имени И. Я. Словоцова. М. : Советский спорт, 1999. 255 с.

Трепавлов В. В. Сибирско-ногайские отношения в XV–XVIII вв. (основные этапы и закономерности) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность : доклады II Международной конференции. Кн. 2. М. ; Иркутск, 1997. С. 182–184.

Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. 560 с.

Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX в. Пермь : Пермский университет, 1995. 363 с.

Чернышов С. А. Формирование и развитие государственности народов Западной Сибири накануне и в начальный период русской колонизации : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017.

Элерт А. Х. Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / перевод, подготовка текста, предисловие и комментарии А. Х. Элерта. Екатеринбург : НПМП «Волот», 2006. 416 с.

Ярков А. П. О понятии «средневековое ремесленное производство» применительно к условиям Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Т. 2. Иркутск ; Омск. 2013. С. 154–157.

Атласи һ. Себер тарихы. Соенбикэ. Казан ханлыгы. Казан : Татар, кит. нәшр., 1993. 448 б. (на татарском яз.).

REFERENCES

Alekseev A. S. *K voprosu o iuridicheskoy prirode vlasti monarkha v konstitutsionnom gosudarstve* [On the question of the legal nature of the power of the monarch in a constitutional state]. Iaroslavl': Tip. Gubern. Pravleniia, 1910. 121 s. (in Russian).

Bartol'd V. V. *Abdulla ben Iskander* [Abdullah Iskander's son]. Sochineniia T. 2. Ch. 2. M.: Nauka, 1964. S. 487–488 (in Russian).

Baulo A. V. *Srednevekovye izdeliia iz serebra na severe Zapadnoi Sibiri: novye nakhodki* [Medieval silverware in the north of Western Siberia: new finds]. *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2007. N. 1 (29). S. 145–150 (in Russian).

Dzhenkinson E. *Puteshestvie v Sredniuiu Aziuu 1558–1560 gg.* [Travel to Central Asia. 1558–1560]. *Angliskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English travellers in the Moscow state in the XVIth century] / Per. s angl. I. U. V. Got'e. L.: Ogiz, 1937. 306 s. (in Russian).

Drevnie kul'tury i korennye narody [Ancient cultures and indigenous peoples]. *Istoriia Iamala* [Yamal history]. T. 1. Kn. 1. Ekaterinburg: Basko, 2010. 210 s. (in Russian).

Ziiaev Kh. Z. *Ekonomicheskie sviazi Sredne Azii s Sibir'iu v XVI–XX vv.* [Economic ties of Central Asia with Siberia in the XVI–XX th centuries] Tashkent: FAN, 1983. 163 s. (in Russian).

Zhernosenko I. A. *Tyurkskoye srednevekov'ye.* Lektsii po istorii kul'tury Altaya. Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2004. S. 28–34 (in Russian).

Iskhakov D. M. *K voprosu o kontseptsii national'noi istorii tatar* [On the question of the concept of the national history of the Tatars]. *Natsional'naia istoriia tatar: teoretiko-metodologicheskoe vvedenie* [National history of Tatars: theoretical and methodological introduction]. Kazan': Institut istorii imeni Sh. Mardzhani, 2009. S. 12–19 (in Russian).

Letopisny sbornik, imenuemy Patriarsheiu ili Nikonovsko letopis'iu. *PSRL (Polnoe sobranie russkikh letopisei)* [Complete collection of Russian chronicles]. T. 13. Pod red. S. F. Platonova pri uchastii S. A. Adrianova. SPb: Tipografiia I. N. Skorokhodova, 1904. 302 s. (in Russian).

Sobolev V. I. *Istoriya sibirskikh khanstv* [History Siberian Khanates]. Novosibirsk: Nauka, 2008. 360 s. (in Russian).

Tyumenskoye i Sibirskoye khanstva [Tyumen and Siberian Khanates] / pod red. D. N. Maslyuzhenko, A. G. Sitdikova, R. R. Khayrutdinova. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. 560 s. (in Russian).

Tvorchestvo narodov Tiimensko oblasti: iz sobraniia Tiimenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia imeni I. A. Slovtsova [Creativity of the peoples of the Tyumen region: from the collection of the Tyumen regional museum of local lore named after I. Ya. Slovtsova]. M.: Sovetski sport, 1999. 255 s. (in Russian)

Trepavlov V. V. *Sibirsko-nogaskie otnosheniia v XV–XVIII vv. (osnovnye tapy i zakonomernosti)* [Siberian-Nogai relations in the XV–XVIIIth centuries (main stages and patterns)]. *Vzaimootnosheniia narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriia i sovremennost': doklady II Mezhdunarodnoi konferentsii* [The relationship between the peoples of Russia, Siberia and the countries of the East: history and modernity: reports of the II International Conference]. Kn. 2. M.; Irkutsk, 1997. S. 182–184 (in Russian).

Chagin G. N. *Etnokul'turnaya istoriya Srednego Urala v kontse XVI — pervoy polovine XIX v.* [Ethnocultural history of the Middle Urals at the end of the 16th — the first half of the 19th century]. Perm': Perm. universitet, 1995. 363 s. (in Russian).

Chernyshov S. A. *Formirovanie i razvitie gosudarstvennosti narodov Zapadnoi Sibiri nakanune i v nachal'nyi period russkoi kolonizatsii. Dis. Kand. ist. nauk* [Formation and development of the statehood of the peoples of Western Siberia on the eve and in the initial period of Russian colonization. Ph. D. Thesis in History]. Tomsk, 2017 (in Russian).

Elert A. Kh. *Severo-Zapadnaia Sibir v ekspeditsionnykh trudakh i materialakh G. F. Millera* [North-West Siberia in expeditionary works and materials by G. F. Miller]. *Perevod, podgotovka teksta, predislovie i kommentarii A. Kh. Elerta*. Ekaterinburg: NPMP “Volot”, 2006. 416 s. (in Russian)

Iarkov A. P. *O poniatii “srednevekovoe remeslennoe proizvodstvo” primenitel'no k usloviyam Zapadnoi Sibiri* [About the concept of “medieval craft production in relation” to the conditions of Western Siberia]. *Integratsiia arkhologicheskikh i tnograficheskikh issledovani* [Integration of archaeological and ethnographic research] T. 2. Irkutsk; Omsk. 2013. S. 154–157 (in Russian).

Atlasi h. *History of Siberia. Soyunbeke. Kazan Khanate* [Seber tarikh. Soenbik. Kazan khanlygy]. Kazan: Tatar, kit. nshr., 1993. 448 b. (in Tatar).

Статья поступила в редакцию 04.03.2021

Принята к публикации 22.07.2021

Дата публикации 20.09.2021